

У стойков было учение о мировом пожаре. Завершив определенный цикл, мир проходил «перезагрузку». Огонь выступал тем «пасущим мир бичом войны», о котором говорил ещё Гераклит. Кризис был безличным мировым арбитром, Страшным Судией, приносящим воздаяние за нарушение меры, разделяющей добро и зло, о котором христианская культура скажет впоследствии: «Страшно впасть в руки Бога Живаго».

Мировым пожаром сейчас никого не удивишь. Техногенные катастрофы — слабое их подобие. Двухсотметровый факел взорвавшегося газопровода на окраине Москвы взбудораженные и сонные жители снимали на камеры своих сотовых телефонов. Голливуд постепенно приучает нас к мысли о том, что конец света тоже может быть одним из вариантов счастливого конца. В вышедшем в самый разгар мирового кризиса фильме «Зна́мение» (англ.

«Predictions») только дети, чистые сердцем, наследуют царство инопланетных существ, перелетая туда на звездолетах с помощью каких-то весьма несимпатичных и даже омерзительных персонажей.

В мире все больше присутствует дух античности: закон доминирует над благодатью, формальная и демиургическая сущность права объявляется едва ли не божественным установлением, этика постепенно вытесняет религию, античные ин-

Айдан Салахова
«Персидские миниатюры»
XL галерея, 2008

ституты, взятые под опеку христианской культурой, например семья, снова становятся римскими по духу и по сути, сводятся к партнерским юридическим отношениям, уходит в прошлое, как религиозный фантом, нерушимость брака и т.д.

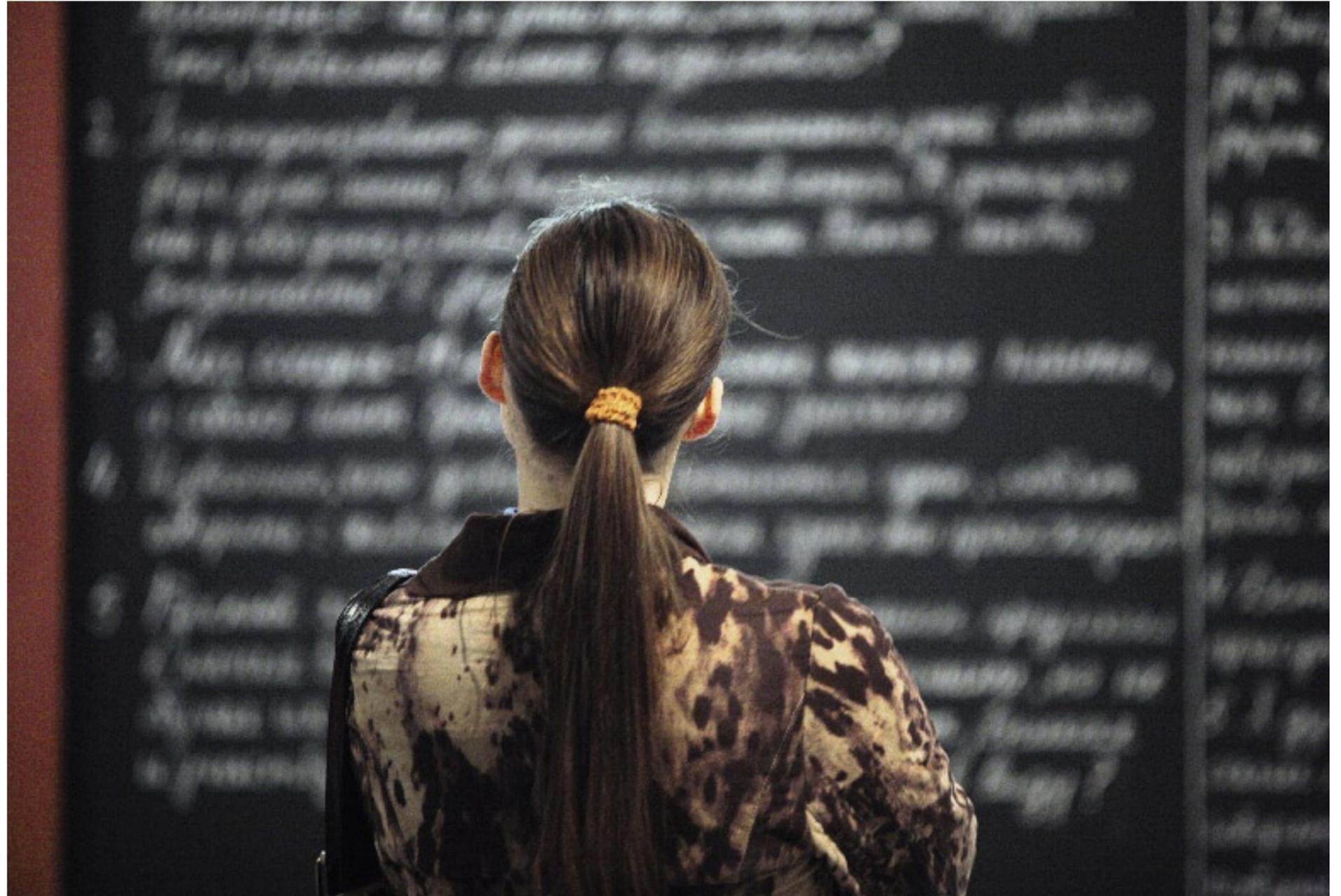
Случившийся с нами кризис не похож на экономические кризисы прежних десятилетий. Нет уверенности в том, что это банальный спад больших экономических циклов. Многие аналитики отмечают его системный характер, говорят о кризисе цивилизации, который не излечивается традиционными способами макроэкономического регулирования. Привыкшие за «тучные годы» к роскошным пятизвездочным отелям и заграничным курортам дайвингисты с недоумением ищут «дна» кризиса, спрашивают друг друга, достигли ли мы уже его и скоро ли начнем всплывать.

У Льюиса Кэрролла Алиса, забравшись в кроличью нору, падает в глубокий колодец и устремляется к центру земли. «То ли колодец был очень глубок, то ли падала она очень медленно, только времени у нее было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше». Вот и нам в свободном падении пришла пора подумать. Поможет ли нам в этом философия? Не симулируем ли мы все чаще сам процесс мышления, следуя заученным трафаретам и идя лишь туда, где нам уютно и тепло и где можем найти хотя бы временное успокоение и защиту от стресса?

Теперь к нам возвращаются и вопросы, свойственные эпохам перехода, а именно таковой была поздняя античность, и, помнится, ещё Герцен 150 лет назад сравнивал с нею своё время. Вот уже почти два тысячелетия стихотворным рефреном звучит для нас вопрошание Теодота Гностика: «Кто мы были? Чем мы стали? Откуда мы вышли? Куда мы заброшены? К какой цели мы движемся? Откуда мы получаем искупление? Что есть порождение? И что есть перерождение?» Может быть, правда на стороне православного батюшки, поучающего, что этот кризис нам Бог послал, чтобы мы могли подумать о вечном, приостановить накопление материальных ценностей и обратиться к духовным? А может

быть, кризис — время торжествовать философии? Ведь именно она со времен Сократа стала тем универсальным инструментом европейской культуры, которая позволяет ей оставаться жизнеспособной, преодолевая тяжелейшие кризисы и катастрофы. Инструментом, который одновременно является и строительным материалом, и глиной, и корабельным лесом (аристотелевская *hyle-materia*), и стеклом, через которое мы видим «гадательно», но всё же видим, а не кружим впотьмах, в морочке бессловесного — животного или ангельского — экстаза. Такова сущность сознания, его необходимой для философии работы, оно является и предметом, с которым работают философы, и способностью обозначать свое присутствие, видеть себя в мире и в знании о мире, бумерангом, возвращающим человека к самому себе, неустанно заставляющим его повторять максиму дельфийского оракула: «Познай самого себя».

Называя журнал «Сократ», мы не просто отдаем дань памяти человеку, ставшему воплощенной философией, то есть сделавшему философию своим образом жизни, вдобавок философскому праведнику, сумевшему пойти до конца в отстаивании своей жизненной позиции и убеждений (поэтому, наверное, именно Сократ, а не Диоген получил в христианской культуре звание «христианина до Христа»). Сократ для нас — это способность к сократическому мышлению, включающему в себя гибкость ума, иронию, неустанный поиск, азарт в поиске истины, которая не может быть скучна, радость открытия нового, честность перед собой и перед временем, в котором ты живешь, перед страной, с которой связываешь свою личную судьбу. Сократ — фигура кризиса античной полисной демократии. Но он и ее дитя — аристократ по духу, ценящий свободу и умеющий быть свободным. Потому что свобода — это не только свобода от внешних обстоятельств, но и от рабства своим собственным страстям и порокам. Опыт Сократа показывает, что философия может дать такую свободу, а значит, может быть духовным упражнением, «песней о главном», а не только о том, что «над землею и под землей».

Илья и Эмилия Кабаковы «Игра в теннис». В рамках проекта «Илья и Эмилия Кабаковы. Московская ретроспектива», 2008

У Горького в пьесе «На дне» рассказывается о страннике, который отправился в Сибирь на поиски праведной земли. Там он встречает ссыльного ученого: «Человек и говорит ученому: “Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?” Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-гляддел — нет нигде праведной земли! Всё верно, все зем-

ли показаны, а праведной — нет! <...> Человек — не верит... Должна, говорит, быть... ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет... Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету!

Грабеж!.. И говорит он ученому: “Ах ты... сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый...” Да в ухо ему — раз! Да еще!.. А после того пошел домой — и удавился!..»

Может быть, дно кризиса нам дано разглядеть только в поисках праведной земли, в немного большем градусе идеализма в культуре, чем теперь, в уверенности в своих силах и своей способности творить

новую реальность здесь и теперь, а не падать ниц перед конспирологическими хитросплетениями античной судьбы, в который-то раз обрядившейся в тогу мирового кризиса?